

ПРАВО И МОРАЛЬ В ПОСТТОТАЛИТАРНОМ СОЗНАНИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ

Доц. д-р Александр Николаевич Литвинов

Луганский институт внутренних дел,
91493 г. Луганск, пос. Юбилейный ул. К. Маркса 4, Украина
Тел./факс 810 380 642 553 200

Pateikta 2002 m. sausio 14 d.

Parengta spausdinti 2002 m. balandžio 11 d.

*Recenzavo Lietuvos teisės universiteto Teisės fakulteto Teisės filosofijos katedros vedėjas
prof. habil. dr. Alfonsas Vaišvila ir šios katedros doc. dr. Vytautas Šlapkauskas*

Краткое содержание

В статье предпринята попытка анализа состояния и тенденций развития права и морали в постсоветских республиках. Показывается, что определяющими факторами, обуславливающими деградацию правового и нравственного сознания являются факторы культурно-исторические, точнее те их качественные характеристики, которые стали результатом деформации гуманитарных общечеловеческих ценностей в период тоталитаризма. Указывается также на то, что для понимания сути происходящих процессов недостаточно политического и социологического анализа, необходим анализ философско-культурологический, опирающийся на более мощные пласты наличного бытия современного общества.

О своем стремлении двигаться в демократическом направлении заявили практически все республики бывшего СССР. Одной из основных причин этого вполне можно считать то, что приверженность к ценностям демократическим, точнее либерально-демократическим, основанным прежде всего на свободе индивида (причем каждого индивида), позволяют рассчитывать тому или иному государству на понимание и поддержку развитых стран, а потому провозглашение курса на установление соответствующих приоритетов стало для указанных республик чем-то совершенно обязательным, чуть ли не ритуальным.

Не является исключением в этом отношении и Украина. Известно о ее стремлении к построению именно такого типа государства, более того, в принятой в 1996 году новой Конституции в статье 1 уже провозглашено, что Украина является правовым и социальным государством [2; 3]. Несомненно, что в Украине достигнуты весьма существенные успехи в данном направлении и формы организации жизни и ценности демократического характера начинают играть все большую роль в формировании нового общества и государства. Однако здесь, как и во многих бывших советских республиках, такое несомненно прогрессивное направление развития приносит подавляющему большинству людей откровенное разочарование, связанное со значительным падением уровня жизни, ведь по официальным данным, свыше 90 % населения Украины имеют доход ниже официально же определенного минимального прожиточного минимума.

В чем же причина такого казалось бы парадоксального положения: с одной стороны, стремление к фактически признанным на сегодняшний день наилучшим формам организации социальной жизни, с другой – столь печальные результаты?

Очевидным представляется то, что дело не только и не столько в часто называемой потере экономических связей с другими республиками, прежде всего Россией. Это можно обосновать и логически, и, кстати, экономически, и тогда проблема представляется уже значительно более фундаментальной, а перспективы решения ее с точки зрения практической – мало оптимистичными.

Речь идет о культурно–исторических основаниях всех форм бытия, сложившихся в том или ином регионе, у той или иной этнонациональной и социальной общности. А для многих народов бывшего СССР принципиальное значение имеет и более чем семидесятилетний трагический опыт жизни в условиях тоталитарного государства.

Для Украины первое означает постоянное, на протяжении столетий, а значит и воспринимаемое как бесконечное, стремление к национальной самоидентичности, которое в условиях отсутствия собственной государственности осознавалось как череда бедствий и преодоления несчастий. Одной из причин этого являлось «пограничное» положение украинских земель: между Востоком (мусульманским и православно–христианским – византийским) и Западом (римско–католическим и протестантским, или западно–христианским). Второе связано с особо жесткими способами подавления воли народа и физическим уничтожением прежде всего той его части, которая была активным носителем национального самосознания. К тому же значительная часть республики, прежде всего индустриальные районы, например Донбасс, стала маргинализованной в результате массовых переселений (часто насильственных) и миграции населения.

Поэтому провозглашение независимости в 1991 году и свобода, кроме известной эйфории, вызвала еще и большую растерянность. Существовавшие и реально регулировавшие отношения в советский период право (его характеристика не является нашей задачей) постепенно перестало, точнее сказать перестает служить той основой, на которой покоилось все здание государственности. Новое законодательство откровенно не поспевает за процессами, происходящими в стремительно трансформирующемся обществе, другим же его качеством можно назвать недейственность уже принятых законов. Весьма печально то, что последнее наиболее явно прослеживается прежде всего в сфере социальной. Отсюда вытекает вполне естественное следствие: отношение к праву как к чему–то прежде всего ущемляющему свободу, а также не настолько обязательному, чтобы оно принималось к исполнению. Причем последнее отношение часто демонстрирует и само государство, точнее – власть.

Не удивительно поэтому, что в проигрыше постоянно остаются прежде всего законопослушные граждане, число которых, однако, катастрофически уменьшается. Происходящая деформация правового сознания отражает во многом и процессы, характеризовавшие его в советское время, особенно ясно и динамично – в последний период, период „перестройки“.

Заданная ею динамика как разрушительных, так и созидательных тенденций, обнажила и те культурно–исторические основания или корни, которые выражаются особенно отчетливо в морали, нравственных нормах регулирования социальной жизни. Преследование властью атеистов религии и церкви не могло не отразиться на морали народа, основывавшейся на европейской части бывшего СССР, как известно, преимущественно на нормах христианства. Эта мораль была раздавлена и уже посттоталитарное сознание унаследовало и результаты такого существования. Поэтому вполне правомерно говорить и о деформации сознания нравственного.

Данные тенденции развития привели к известному состоянию в обществе и государстве, когда ценности гуманитарные, общечеловеческие постепенно, но неуклонно отступают перед прессингом возможности части населения (прежде всего имеющих отношение к властным структурам) демонстративно распоряжаться результатами труда своих соотечественников – конечно же в свою пользу. Свобода, понятая как свобода действий без ответственности и реализуемая таким образом, отличает состояние большинства новых независимых государств. Это характерно не

только для Украины, но еще до известных примеров с бывшим премьер–министром Павлом Лазаренко и сейчас уже тоже с бывшим вице–премьером Юлией Тимошенко, замешанных в крупномасштабных финансовых аферах, тип государственного устройства Украины получил название клептократии (то есть власти воров, преступников) [3, с. 165–170]. Заметим, что это только самые высокопоставленные «разрушители» правового сознания граждан Украины, количество же их неизмеримо больше, о чем постоянно свидетельствуют *mass media*.

Можно приводить множество примеров деформации правового и нравственного сознания: от сферы медицинского обслуживания и образования (а в последнем все более масштабными становятся процессы, которые можно назвать «отрицательной селекцией», когда решающую роль для получения диплома играют уже не знания, а факт оплаты учебы) до резкого демографического спада и появления беспризорности. Печально, что все эти негативные процессы ассоциируются прежде всего с понятием независимости, которая создала предпосылки для столь массового и системного проявления социальной несправедливости, поскольку совершенно очевидно, что основная причина бедственного положения подавляющей части населения богатейшей по своим природным ресурсам страны вовсе не экономическая.

Проблема гораздо глубже и причины такого довольно мрачного состояния кроются, как представляется, в самом социокультурном контексте современной Украины, который находит свое выражение в деформации и правового сознания (имеется в виду не только правовой нигилизм значительной части населения, но и системный кризис, охвативший данную сферу: от законодательной власти до рядового гражданина), и сознания нравственного (девальвация общечеловеческих ценностей и гуманитарных принципов на большинстве уровней коммуникации).

Культурно–исторический и феноменологический анализ дает основания описать таким образом, хотя бы и самом абстрактном (а значит и достаточно условном) виде наиболее существенные черты социокультурного портрета современной Украины. К ним следует отнести такие: вторичность, мифологичность и криминальность.

Понятие вторичности может иметь целый ряд значений, причем почти все они могут характеризовать нашу культуру (например, как в отношении Запада, так и Востока, либо, в иной плоскости, в отношении гуманитарных идей и технологий и т.д.). Отчасти исторически это объясняется уже указанной «пограничностью» культуры Украины, подверженности ее, выражаясь образно, как благодатному дыханию чистого воздуха моря и леса, так и суховеям степи. Тоталитаризм же оставил в наследство одно из определяющих качеств сознания – редукционизм, т.е. всеобщее стремление к упрощению всего в процессе объяснения окружающего мира, а это неизбежно приводит к неадекватности не только мышления, но и действий и их последствий. Другими словами, постоянное стремление к простому решению сложных задач приводит к столь же постоянному повторению ошибок (например, к таковым можно отнести и постоянные техногенные катастрофы). Это господство простого, можно сказать примитивного сознания, мыслящего простыми категориями, точнее категориями обыденного сознания – настоящее бедствие, присущее, правда, не только Украине. Категории же, в том числе определяющие и практическую деятельность, как известно, не обладают самостоятельностью, они зависят от культуры. Но для любого сознания культура является основанием, а категории – обоснованием деятельности [4, с. 59], что в нашем контексте указывает на «отягощенность» всего культурного слоя Украины рудиментами традиционализма.

Второе качество вторичности культуры можно назвать не критической формализацией, когда вторичные признаки, а не суть, фиксация, а не сам процесс, имеет большее, а зачастую решающее значение. Этот унаследованный еще с византийских времен подход к деятельности и ее оценки пронизывает все сферы жизни и очень органично продолжает знакомую со времен тоталитаризма тенденцию придавать большее значение внешней форме проявления чего–либо, нежели тому, ради чего существует тот или иной объект. Например, важен отчет о работе, а не сама

работа, причем тенденция подачи удобной и угодной информации для власть предержащих остается доминирующей. Ни правовые, ни моральные основания, как ни парадоксально это выглядит даже с точки зрения здравого смысла, не влияют на данное положение. Один из последних примеров: жестокое наводнение в Закарпатье, власть объявляет о том, что угроза дальнейшего затопления миновала, хотя уже известно, что в соседней Венгрии взорваны дамбы. Через несколько часов уровень воды в украинских землях резко поднимается, вместо объявленного прогноза к его снижению. В чем смысл такой позиции? Рациональному объяснению не поддается, вернее поддается с трудом, если снова апеллировать к иррациональным истокам сознания, характеризующим традиционные культуры. В таком же ключе можно говорить также об отношении власти и народа, точнее власти к народу, характеризующее тоталитарное государство и о рудиментах уже собственно тоталитаризма.

Еще одно качество вторичности как существенной черты посттоталитарного общества. Назовем его потребительским отношением к окружающему миру. Таким образом можно охарактеризовать то отсутствие диалогости и творческого отношения к природе и другим людям, которые превалирует в современных развитых или, как их часто называют, цивилизованных странах. Нет необходимости расширять этот тезис, ведь даже когда ставят в прямую зависимость благополучие народа исключительно от наличия и количества природных ресурсов, то уже демонстрирует приведенные выше качества. Но и мышление даже в этом русле не заставляет позитивно оценить процессы, определяющие развитие Украины. Простой пример: страна располагает почти половиной чернозема всей планеты, а народ бедствует.

Второй чертой социокультурного портрета современной Украины является мифологичность. В данном контексте мы говорим о мифологичности не как о качестве, присущем любому сознанию, а значит и сознанию современному, как это показал еще в середине прошлого века выдающийся французский философ и семиолог Ролан Барт [5, с. 46–141]. В данном контексте следует обратить внимание на существующую и господствующую в сознании иерархичность в трактовке общественных связей и отношений по образцу фактически родо–племенных и феодальных. Этот фактор, вернее это качество остается одним из самых значительных факторов деформации и правового, и нравственного сознания. Устойчивые традиции решения проблем, в том числе правовых, неправовыми способами, особое значение имевшими в советский период, продолжают разрушающе воздействовать и на правосознание, и на нравственные устои, тиражируя принципы двойной морали как условия для выживания, причем фактически обязательного. Унификация субъектов права или, другими словами, уравнивание всех субъектов права как принцип правового государства, в реальной жизни продолжает оставаться делом будущего, поскольку до сих пор большое процессуальное значение имеет фактический статус, определяющийся либо степенью приближенности к властным структурам, либо размером обладаемого имущества, либо (и это чаще всего) и тем, и другим вместе.

Следующим качеством, продолжающим указанное выше и почти столь же влияющее на правосознание и отношение к нормам морали – это своеобразная бинарность представлений на основе первобытно–архаического принципа „свой” – „чужой”, когда «свои» существуют как бы в иной системе координат, нежели „чужие”. Это также ни что иное, как воспроизведение сословности, в советское время нашедшее выражение в понятии номенклатуры. Некоторые украинские ученые именно такое воспроизведение социокультурного опыта и формы отправления властных полномочий по советскому образцу фактически оставшейся у власти номенклатурой видят главной причиной невосприимчивости Украины к цивилизованным формам организации жизни общества [6, с. 193–194].

Таким же качеством, характеризующим мифологичность (в данном контексте) можно назвать фактическое отсутствие личной свободы. Ее провозглашение, как иные многие демократические лозунги, разбиваются о многие факты существования

гражданина Украины, начиная с уровня экономической жизни и соответствующих отношений. Здесь, конечно, есть известное движение в сторону наполнения этого понятия конкретным смыслом, но скорее это можно толковать в прикладном политическом смысле, нежели в философско–онтологическом. Другими словами, оно, это понятие свободы, не укоренено в нашем бытии.

Последняя черта, названная мною криминальностью, может заставить заподозрить меня в отсутствии патриотизма и даже любви к своей родине. Но, полагаю, такие эмоциональные оценки неуместны при обсуждении результатов научного исследования. Уже первое качество, которое выделяем для его характеристики, можно назвать пренебрежительным отношением к честному труду. На первый взгляд его следует отнести к сфере морали. Но, если учесть результаты доминирования данного принципа в экономической и политической жизни, то тогда его можно считать криминальным без специальных доказательств, иными словами, относящимся и к сфере правосознания.

Следующим качеством назовем малую ценность человеческой жизни, традиционную для менталитета восточного. Скажем только о бесконечной череде техногенных катастроф, становящихся особенно для индустриальных регионов страны уже привычным явлением. Криминальными их делает прежде всего сознательное игнорирование имеющихся возможностей предупреждения подобных ситуаций. Для шахт Украины, прежде всего в Донбассе, где аварии с массовыми жертвами стали чуть ли не обыденным явлением, нормативизм и правовой, и моральный растворяется в едкой атмосфере среды существования, где определяющими факторами становятся в основном те, которые связаны с обеспечением элементарных условий выживания, с одной стороны, и получение максимальных прибылей – с другой.

И последнее качество, следуя традиции еще века Просвещения, можно назвать государственной преступностью. Еще в XVIII веке юристы и философы–просветители (назовем имена только Чезаре Беккариа и Вольтера) говорили о том, что число преступлений, совершаемых государственной властью значительно превышает число преступлений, совершаемых частными лицами, и называли это государственной преступностью. Украина в этом смысле (и ее история, и современное положение) предоставляет более чем благодатный материал. Не будем останавливаться на конкретных примерах, скажем только, что они самым разрушительным образом воздействуют на правосознание граждан.

Этот анализ и выводы не являются оригинальными в том смысле, что аналогичные соображения высказывают и иные исследователи, в той или иной степени касающиеся нашей проблематики. Не являются также оригинальными выводы и по отношению к Украине, указанные характеристики и тенденции развития присущи, как уже было сказано, многим странам постсоветского пространства, а значит отражаются и в посттоталитарном сознании. Вот пример: вывод о том, что „страны СНГ демонстрируют тенденцию к воссозданию на новом витке спирали развития своего предыдущего социокультурного опыта, в то время как страны Центрально–Восточной Европы интегрируются в западную цивилизацию без особых проблем” [6, с. 193].

Зарубежные аналитики дают в основном неутешительные для Украины прогнозы на ближайшие годы, говоря о пренебрежительном отношении к окружающей среде, что вызовет новые экологические проблемы, о недостаточности структурных реформ, о том, что путь Украины в Европу будет сдерживаться распространением коррупции, влиянием криминальных организаций и непривлечением виновных (т.е. преступников) к ответственности [7, с. 24]. Такие выводы ними делаются на основе анализа сегодняшнего положения в Украине и носят большей частью политический и социологический характер. Философско–культурологический анализ истоков текущих процессов и наличного бытия опирается на более мощные его пласты, а потому более рельефно и определенно вырисовываются основания и соответственно значение правосознания и сознания нравственного в контексте проблем современной жизни.

Они же таковы, что причиной сохранения наиболее вероятной тенденции развития Украины в сторону медленной и длительной деградации следует назвать деформацию правосознания и морали, обусловленную причинами прежде всего культурно–историческими, где особенности тоталитарного сознания продолжают играть значительную роль. Поэтому в серьезных научных философских исследованиях (в отличие от обычно заказной оптимистической риторики конъюнктурных работ политического характера) чаще делаются осторожные и трезвые оценки и прогнозы возможных путей развития Украины именно в результате исследования ментальности (включая значение права и морали в функционировании общественного сознания) народа. Один из таковых выводов–прогнозов – трансформация значительной части бывших республик СССР в полуколониальные страны латиноамериканского образца, поскольку это „регионы, которые не выработали на уровне основной массы населения ценности индивидуализма и рационализма, не способные органично воспринимать современную западную модель общества, которая основывается на системном единстве социально–ориентированной либерально–рыночной экономики, гражданского общества и либерально–демократической правовой государственности” [8, с. 332]. А в этом печальном дрейфе направление во многом определяется тем реальным статусом и значением, которые имеют в обществе право и мораль.

Столь неоптимистическая оценка и кажущиеся неутешительными выводы не должны восприниматься как окончательные и отказывающие Украине в перспективе развития. Скорее это констатация того (можно сказать даже нормального – в смысле нормативности развития подобного типа государств в переходный период) положения, в котором оказалась нация, находящаяся в стадии интенсивного развития и формирования как нация политическая. Государство же такого типа известный современный социолог Э. Смит называет „суверенное бюрократическое государство” [9, с. 174].

Поэтому и в нравственном сознании, и в сознании правовом большое значение имеют императивы, выработанная культурой традиционной, примитивной, императивы, связанные с непосредственной, простейшей реакцией на окружающий мир. Влияние же культур, оперирующих категориями более высокого уровня абстракции, будь–то категории морали, будь–то категории права, пока в основном оказывается весьма поверхностным, внешним, формальным. Одной из причин этого положения является трагический опыт тоталитаризма, опиравшегося, как известно, именно на простейшие, часто изменчивые инстинкты. А этот опыт, точнее наследие, изменить за одно десятилетие просто невозможно.

Выводы

1. В статье рассматриваются тенденции развития права и морали в посттоталитарном сознании на примере процессов, происходящих в Украине и характерных для ряда других постсоветских республик.

2. Заявления о приверженности идеалам и принципам демократического общества и курсу на построение правового государства и даже декларирование их в Конституции отторгаются современным социокультурным состоянием украинского общества, отягощенного рудиментами тоталитаризма.

3. Поскольку свобода, обретенная в результате провозглашения независимости, не опирается на понятие ответственности, постольку это позволило проявиться не только созидательным, но и разрушительным тенденциям, имеющим определенные культурно–исторические корни, что нашло выражение в деформации нравственного и правового сознания.

4. В этом смысле наиболее существенными чертами (характеристиками), определяющими социокультурный портрет (или состояние) современной Украины представляются: 1) вторичность (раскрывающаяся через понятия редукционизма, некритической формализации и потребительского отношения к окружающему миру); 2)

мифологичность (раскрывающаяся через понятия иерархичности, бинарности мышления, отсутствия личной свободы); 3) криминальность (раскрывающаяся через понятия пренебрежительного отношения к честному труду, малую ценность человеческой жизни и государственной преступности).

5. В связи с такими мощными факторами, обуславливающими деформацию правосознания и морали, ближайшие перспективы движения Украины в заявленном направлении можно оценить весьма пессимистично.

6. Однако это естественно для общества, где в нравственном и правовом сознании преобладают императивы и нормы культур традиционных (примитивных), в значительной степени реанимированные в период тоталитаризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гроций Г.** О праве войны и мира. – Москва: Ладомир, 1994.
2. **Конституція** України. – Київ, 1996.
3. **Мейс Дж.** Українська клептократія // Політологія посткомунізму: Політичний аналіз посткомуністичних суспільств. – Київ, 1995.
4. **Булатов М. А.** Типы категорий и формы их систематизации в культурно–историческом процессе // Категории философии и категории культуры. – Київ, 1983.
5. **Барт Р.** Мифологии // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – Москва, 1989.
6. **Долженков О. О.** Тоталітаризм в Україні: Проблеми формування та трансформації. – Одесса, 2000.
7. **Савченко А.** ЦРУ: реалії сьогодення // Форпост: Міліція України. 2001. № 3.
8. **Павленко Ю. В.** Історія світової цивілізації: Соціокультурний розвиток людства. – Київ, 1996.
9. **Smith A. D.** National identity. – London: Penguin Books, 1991.

Teisė ir moralė posttotalitarinėje sąmonėje: šiuolaikinės Ukrainos patirtis

Doc. dr. A. N. Litvinov

Lugansko vidaus reikalų institutas, Ukraina

SANTRAUKA

Straipsnyje analizuojamos teisės ir moralės raidos tendencijos ir padėtis šiuolaikinėje Ukrainoje. Pagrindinėmis priežastimis, lėmusiomis teisinės ir moralinės sąmonės nuosmukį Ukrainoje, autorius laiko kultūrinės–istorinės, taip pat žmogiškųjų vertybių deformacijas, susiformavusias totalitarizmo sąlygomis.

Taip pat nurodoma, kad siekiant suprasti vykstančių procesų esmę neužtenka vien tik politinės, istorinės ar sociologinės analizės. Būtina atlikti ir šiuo metu vykstančio liberalizacijos proceso vidinio prieštaravimo filosofinę–kultūrologinę analizę.

Law and Ethics in the Post–totalitarian Consciousness: the Tendency of Development in Social and Cultural Context in Ukraine at Present

Dr., Assoc. Prof. A. N. Litvinov

SUMMARY

The article deals with the problem of development of legal and moral consciousness in Ukraine now. The deforming influence of heritage of the totalitarianism on the process of democratization of society and the construction of bases of legal state is investigated. The author shows the deeper (powerful) cultural and historical grounds of those reasons, which hamper the movement of Ukrainian society to the present-day forms of organization determined as a legal state first of all. He makes an attempt of systematization of basic characteristic features of social and cultural portrait or status of present-day Ukraine, which have a negative influence on the status and real functioning of ethics and law in society. These features are the following: 1) transparency (it is opened through the conceptions of reductionism, uncritical formalization and costumers' attitude to the surrounding world); 2) mythology (opened through the conceptions of hierarchy, binary thinking and a lack of personal freedom); 3) criminality (opened through the conceptions of careless treatment to the honest labour, a low value of human life and the crime against the State). This general context deforms all ideas and conceptions, which are concerned with the democratic society and legal state. The conception of freedom, e.g., not resting on the conception of responsibility, allows to display not only constructive tendency of development but also destructive one. However, it is naturally enough for society where values and standards of archaic (primitive) cultures dominate in the moral and legal consciousness. These norms were reanimated during a period of totalitarianism to the great extent. These features are characteristic not only for Ukraine, but also for a number of other post-soviet states. Therefore, the nearest perspectives of development as the democratic legal states may be appraised as a highly pessimistic both for Ukraine and for these republics.